

ВЕРА
ЗВЯГИНЦЕВА

ЧЕРНЫЙ
ДЕНЬ

Вера
3 Вягинцева

Советский
искусств
Москва · 1963

Вера Вягинцева

СТИХИ

БЧЕРНИЙ ДЕНЬ

Вера Звягинцева — автор ряда стихотворных сборников.

Читатель найдет в этой книге раздумья о жизни, строки искренние и сердечные, порою грустные, но всегда полные влюблённости в жизнь. Здесь — лирические пейзажи России и память о путешествиях, стихотворные портреты современников и стихи об Армении, с которой связана работа поэта.

Помедли, помедли, вечерний день.
Продлись, продлись, очарованье.

Тютчев

* * *

Я пишу, как дышу.
По другому писать не умею.
Поделиться спешу
То восторгом, то болью своею.

Я навряд ли права,
Исповедуясь так перед всеми.
Не нужней ли слова
О делах, обгоняющих время!

Что я все о своем?
Я живу в этом мире огромном
Не одна, не вдвоем,
В уголке не скрываюсь укромном.

Не такая пора,
Чтобы жить лишь своею душою,
Нужно кончик пера
Окунуть в море жизни большое.

Ну а всё же, друзья,
Может быть, этот грех мне простится:
Ведь, по правде, и я
Тоже этого века частица.

Я, конечно, грешу —
Чтò судьба одного человека!
Я пишу, как дышу.
...Но дышу-то я воздухом века.

* * *

Смолоду, не разбирая,
Мы хватаем что попало:
Грозы, ливни, ночи мая,
Дышим, пьем — все мало!

Часто путаем вначале,
Где безделка, где несчастье,
Что касается печали —
Все питаем к ней пристрастье.

Перемены, мысли, встречи —
Словно собиранье марок...
Повесть жизни, не перечая,
Пишем наспех, без помарок.

Собираем, собираем
Песни, радости, причуды;
Не гонясь за скучным раем,
Презираем пересуды.

А потом приходит время:
Срок расплаты, срок отдачи,
С драгоценностями всеми
Расстаемся, их не пряча.

И тогда бывает ясно —
Из всего, что мы собрали, —
Вправду что-нибудь прекрасно
Или жизнь мы проиграли.

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Наплывает свет вечерний,
Напоследок золотой.
Скоро — в серебре и черни —
Ночь обступит немотой.

Я не знаю, мне ли, всем ли
Этот час других милей.
Вечер заливает землю
Добротой косых лучей.

Разобраться не берусь я,
Вечер это или день,
Знаю только, что не грустью,
Не обидой встречу тень,

Тень — былого отпечаток,
Что лежит у ног, темна...
Невелик пути остаток,
Тень прошедшего длинна.

Золота чуть-чуть осталось,
Но горит оно огнем.
Не берет меня усталость —
Обернулся вечер днем.

Видеть адом жизнь иль раем
Нет запрета никому.
Путь недолог, мир бескраен,
Вот и вижу свет — не тьму.

КРАСОТА

Я не о том, что красота порою
Видна сквозь чеприглядные черты,
Что не нужны поэту и герою
Приметы величавой красоты.

Я не о том. Но вот какое диво:
Душа горит всего сильней, когда
Прекрасное бывает некрасиво
И пышности в нем не найдешь следа.

Нередко и в природе и в искусстве
Скупая грубоватость манит нас,
Овражек да седой полыни кустик
Милее пестрых цветников подчас.

Огромный парк прохладный и парадный,
В магнолиях и розах берега...
А я люблю природу не нарядной,
А мне совсем другая дорога.

Не оттого ль, что некогда, девчонкой,
В одном из бедных русских городков
Я не рвала над узкою речонкой
Красивее, чем курослеп, цветов.

Не оттого ль, что по крутым дорогам
Шагали все мы в поисках тепла,
Учились видеть многое в немногом —
Ведь жизнь не очень щедрою была!

Наверное, нас приучило время
К обличию сурою простоты,
И я ищу и в жизни и в поэме
Прекрасной — не красивой — красоты.

* * *

Я не люблю иронии твоей...

Некрасов

Ни твоей, ни своей, ничьей —
Никакой не хочу иронии.
Прятать боль под броней речей?!

Не нуждаюсь в их обороне я.

Если боль — так пускай болит,
Если радость — пусть греет, радуя.
Не к лицу нам, боясь обид,
Жар души заменять прохладою.

Снег идет — он и бел как снег,
Небо синее — значит синее.
Если смех — так не полусмех,
И никак уж не над святынею.

Я хочу прямой красоты,
Не лукавого обольщения,

Я хочу, чтоб заплакал ты
От восторга, от восхищения.

Как ни смеяся, как ни язви —
Это дело для всех стороннее.
Людям нужен лишь свет любви,
А не злой холодок иронии.

ИСКУССТВО

Но как прожить без божества
Атеистическому веку!
И краски, музыка, слова
И труд — всему он голова —
Святые обрели права,
Служа земному человеку.

Когда Бетховен дарит нам
Свой мир семнадцатой сонатой,
Когда я подхожу к холстам,
К живым сарьянским цветам —
Я словно посещаю храм,
Став богомолкою завзятой.

О, музыка, душа души,
С ее божественною властью,
О, кисти и карандаши,
Стихи, звеньяющие в тиши,

Читай ты их или пиши —
Вот где бессмертье, вот в чем счастье!

Не отдых после бурь и гроз,
А всех земных начал начало,
Прохладный ливень светлых слез,
Подснежник, что сквозь лед пророс...
Цветение наущных роз
Для нас наущным хлебом стало.

* * *

Кто может подумать бесстыдно:
«Пусть после меня хоть потоп!» —
Как ни тяжело, ни обидно
Сказать себе — кончено, стоп!
.. Из гроба ведь даже не видно
Цветов, окружающих гроб.

Но нужно мне, чтобы шумела,
Звенела и пела Москва,
Чтоб делалось доброе дело
И добрыми были слова,
Чтоб радостно зазеленела
В кремнистых пустынях трава.

Мне нужно, чтоб люди читали
Поэта, любимого мной,
Раздумия предпочитали
Бездумной забаве шальной,

Чтоб стало поменьше печали
На милой планете земной.

Еще б я хотела... но кстати ль
Такой разговор я веду? —
Чтоб юноша-книгоискатель
В двухтысячном дальнем году,
Найдя мою книгу, — истратил
Часок на нее на ходу.

СОЛДАТСКИЕ СТИХИ

Молодой поэт признался гордо:
— Я солдатских не люблю стихов.—
У меня перехватило горло,
Я наговорила резких слов,
Гневно разбранила эту фразу.
Кое в чем была и неправа...
Никогда я не умею сразу
Подбирать разумные слова.
Слишком уж мне дороги иные
Именно солдатские стихи —
Горькие, суровые, земные,
Без цветной мишурынной шелухи.
Слишком тяжела мне молодая
Нелюбовь к суровой простоте.
Видно, не забуду никогда я
Долгих зим в военной темноте.
Не забуду ни жестоких сводок,
Леденивших сердце в шесть утра,
Ни погибших в черноморских водах

Мальчиков с московского двора,
Ни поэта в звании майора,
Что стихами грел холодный зал.
Слишком скоро, друг мой, слишком скоро
День великий днем вчерашним стал.
Знаю, что всего нужнее людям
Мирный труд и шепот у ольхи,
Ну а всё ж мы вечно помнить будем
Трудные солдатские стихи.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Преодоление отчаянья —
Вот это то, что мы умеем.
Судьба нам сохраняет чаянья,
Но лбов не мажет нам елеем.

Мы вынесли невыносимое:
И кровь, и муку отступленья,
Терзались вместе с Хиросимою —
Всё, всё на наше поколенье!

Нет, ничего не забываем мы,
Но любим жизнь с такою силой,
С такою жаждой нескрываемой,
Что нас не испугать могилой.

Ушедшее и обретенное —
Как гром и ливень над землею.
И вот она лежит — зеленая —
В закатный час передо мною.

Не попрошу ни сожаления,
Ни снисхождения у доли.
Хочу я лишь преодоления
Последней безысходной боли!

СТИХИ

Толкуем, обсуждаем чинно,
Находим тысячи грехов...
Но в чем же все-таки причина
Возникновения стихов?

Причина — то в дожде, то в снеге,
То в отдаленных звуках гамм,
То в неожиданном пробеге
Улыбки по чужим губам,

То их приносит в клюве птица,
То просто солнечные дни.
Стихи не могут не родиться,
Когда рождаются они.

Когда живешь ты на просторе
И чувств не держишь под замком —
Чужие радости и горе
Становятся твоим стихом.

Идешь по улице, не зная,
Что за тобой стихи идут,
Обступит тишина ночная —
Они, конечно, тут как тут.

Причин для них на свете много,
Пока жива душа твоя,
И если их осудят строго —
Осудит целый мир судья.

СОН И ПРОБУЖДЕНИЕ

Спешишь куда-то, не зная куда,
Мешает какая-то ерунда:
То поезд ушел, то вещи пропали,
Сидишь в опустевшем вокзальном зале.
А то — совершенно наоборот:
Стоишь у каких-то резных ворот
В стране, где не люди, а существа,
Цветы не цветы, трава не трава.
Идешь и видишь какой-то свет,
Какого на свете совсем и нет:
Не то ледяная лежит земля,
Не то это море из хрусталия...
И вдруг просыпаешься. Слава богу —
Ничто не похоже на ту дорогу.
Знакомые книги со всех сторон,
Звенит, надрывается телефон.
Звонят поэты и не поэты,
Читала ли, спрашивают, газеты?

Болеют о том же, о чем и я,
Обычные люди — мои друзья.
Выходишь из дома и видишь свет,
Прекрасней которого в мире нет.
И это не море из хрустала,
А просто родная моя земля.

БЕЛЫЕ НОЧИ

В старости дни у людей короче.
Дивное диво, продленье дня —
Белые ночи, белые ночи,
Свет без светила и без огня.

Жду над бессонной немой Невою:
Может быть, мимо пройдет поэт
С дерзкой курчавою головою,
Не поседевшей за столько лет?

Может быть, житель Мертвого дома
К набережной подойдет сейчас.
О, как давно она мне знакома,
Мука пронзительных этих глаз!

Или сверкнут не глаза, а очи
И в переулок Блок завернет...
Белые ночи, белые ночи,
Все может сделать ваш приворот!

Не убывает зеленоватый
Тихий бессолнечный этот день,
И провожает взгляд виноватый
Вообразившуюся мне тень.

В ночь эту белую, в ночь седую,
Глядя на медленную Неву,
Милых ушедших безмолвно жду я,
Им исповедуюсь, их зову.

Кратким забвеньем не опорочу
Я современников дорогих,
Если сегодня, белою ночью,
Жду незабвенных друзей других.

ЗЕМЛЯ

Давным-давно она вращается,
Сырая от дождей и слез.
На ней встречаются, прощаются,
Воюют, плачут, возмущаются,
Ища ответа на вопрос:
В чем правда жизни заключается?

С морями, реками и скалами
Летит, летит, летит она,
Летит с дворцами и подвалами,
Сердцами тихими и шалыми,
Вся до краев заселена
Людьми и старыми и малыми.

Прекрасной, но несправедливою
Она была из века в век,
И жители ее пытливые
Задумали, нетерпеливые:
Пусть будет счастлив человек,
Пусть камень станет шумной нивою! ..

Трудясь над собственной планетою,
Меняют люди свой удел,
С бедой справляются не сетуя,
Считают мужество приметою
Эпохи новых чувств и дел
Рожденные эпохой этою.

Земля по-старому вращается,
Но всё упрямей, всё верней
На ней мечтанья воплощаются
И расстоянья сокращаются,
И знают многие на ней,
В чем правда жизни заключается.

* * *

Долго мы судили и рядили,
Что всего нужнее на земле?
Вспоминали небылицы, были,
Говорили о добре и зле,
Об искусстве толковали дружно,
Непременно думали решить,
Что кому на белом свете нужно
Для того, чтобы счастливым быть.
Оказалось, многое: дорога,
Чудо звезд, баллад, симфоний, рек...
Но сказал ты, помолчав немного:
Человеку нужен человек.

ПОД УКЛОН

Под уклон пошло, под уклон.
Я такая же, да не та:
Не берут уж меня в полон
Ни сверканье люстр и колонн,
Ни нахлынувших чувств циклон,
Ни веселье, ни суета.

Я, конечно, еще могу
В самолет рано утром сесть,
Чтоб взглянуть на Масис в снегу,
Постоять часок над Зангу
И, как смолоду, на бегу
Суток пять прожить или шесть.

Я могу просидеть весь день
В трудном цехе — за сваркой строк,
Забывая усталость, лень.
Но скользнет похвала, как тень,
И упреком мой труд задень —
Не обидит меня упрек.

Под уклон, под уклон пошло.
Тишина мне милей всего
Да заветное ремесло.
Если спросит кто: тяжело,
Что все минуло, все прошло?
Отвечаю: нет, ничего...

Невесомо лечу стремглав,
Точно камень с крутой горы.
Усмирился горячий нрав.
Кто жалеет меня — не прав:
Я держусь лишь за стебли трав,
Но еще держусь до поры.

Пусть бренчит на деревьях медь,
Осыпается желтый клен...
Нужно только одно: уметь
Крикнуть вовремя «боль, не сметь!»
И лететь себе и лететь,
Ну хотя бы и под уклон.

ЧАСЫ

В любом жилище человека
Они отнюдь не для красы.
Вот этим, верно, больше века,
Они уже почти калека —
Полпреды времени — часы.

Заводят их и переводят —
Они — свое: всегда спешат;
Они тебя на мысль наводят —
Не зря ли дни твои уходят,
И шепчут: не гляди назад.

Но по ночам в тиши бессонной
Их мелодичный перезвон,
Как чей-то голос отдаленный,
Как тополь, шелестящий кроной,
Зовет куда-то в даль времен.

С прошедшим будущее слито,
И где начало, где конец?

Звенит о том, что позабыто
И что покуда не открыто,
Их приглушенный бубенец.

Пушинки счастья, горя бремя
Легли на точные весы...
Непостижим твой образ, время,
Живут же рядом с нами всеми
Полпреды времени — часы.

ПАМЯТКИ

Я интересуюсь литературой, а не стульями,
на которых сидели писатели.

Из разговора

Вы правы, но когда подходишь к Мойке...
Входил он в эти двери, в этот дом,
Смотрел на стены вековой постройки
Сквозь стекла, замутненные дождем.

Вы правы, наше щедрое наследство
Не эти двери, стулья и столы.
И все-таки меня волнуют с детства
Все памятки — пускай они малы.

В глухом селе девчонкой восьмилетней —
«Здесь жил Радищев» — услыхала я...
Наверное, тогда, в тот полдень летний,
И зародилась эта страсть моя —

Желание увидеть близко, въяве
Всё виденное ими на земле,

Все те тропинки, что вели их к славе, —
Оставленные угольки в золе.

Когда в дороге поворот налево
Нас в тихую Карабиху привел —
Казалось, что поэт любви и гнева
Сейчас войдет, чтоб сесть за этот стол.

Поля, поля, осенние деревья...
Как обухом ударило меня,
Когда на мой вопрос — что за деревня?
Ответили внезапно — Чермашня.

С жестоким вымыслом сплелось живое.
Крыльцо, крапива, шорох старых лип.
В названье деревушки «Даровое»
Каких шагов послышался мне скрип!

Когда в былое приоткрыта дверца
И чей-то голос говорит: входи, —
Что я могу поделать, если сердце
Стучит, как сумасшедшее, в груди?!

ВЕСНА

Весну открывает природа,
Как будто бы мы ни при чем,
Но умная сила народа
Своим обладает ключом.
Подснежники нежны и хрупки,
Но саженцы тоже нужны.
Приметы, заметы, зарубки —
Дорожные вехи весны.
Ни лености, ни промедленья
Весна не допустит вовек,
Она не тоска, не томленье,
Как выдумал встарь человек.
И что ей за дело до гроба,
В котором придется нам спать!
Нужна ей рука хлебороба,
Ей мастер веселый под стать.
Она благосклонна к поэту,
Простит ему даже грехи,

Когда он не мраку, а свету
Свои посвящает стихи.
А если он смотрит бесстрастно
На все, что бушует вокруг,
Она говорит ему властно:
Бесстрастие тяжкий недуг.

В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

Рабочие дружески нам помогли
Подняться на звонницу монастыря,
Степенно курили они, говоря
Об озере, тускло мерцавшем вдали.

Один — что постарше — болел за ремонт,
Любил он старинное русское чудо,
В военные годы ушел он отсюда,
Из этих краев переславльских, на фронт.

А кто помоложе — сказать не берусь,
Чем был для них этот седой монастырь,
И эта дождливая сизая ширь,
И слово забытое «Древняя Русь»...

Но искрился в серых глазах огонек,
И Невский и Петр не сродни ли им были?
Когда мы спустились к зеленой могиле,
В которой художник лежал, одинок, —

Они посмотрели на нас как друзья —
Хозяева этой бессмертной земли.
А озеро тускло мерцало вдали,
Сказанья о прошлом на дне затая.

КОКТЕБЕЛЬ

Подернуты дымкой вечерние горы,
У моря оттенок свинца.
Холодная тяжесть на сердце — не горе,
А просто сознанье конца.

Но там, где ни моря, ни горя не будет,
В забвении глухонемом,
Где к небытию меня властно присудят,
Я буду просить об одном:

Оставьте, оставьте мне проблеск сознанья,
Пусть полного жгучей тоской,
Чтоб вспомнить обветренных гор очертанья,
И берег, и берег морской.

Оставьте мне память о белых перилах,
О шелестах крымских ночей,
Ведь я и по смерти расстаться не в силах
С любимой землею моей.

Никто ничего, ничего не ответит.
Но смутно почудится мне,
Что где-то качает акации ветер
И море вздыхает во сне.

* * *

Ты не снись мне. Не могу я
Даже в темных дебрях сна
Вспоминать про жизнь другую,
Раз мне эта суждена.

Я давно уж научилась
Обходиться без любви,
И меня ты, сделай милость,
В снах любимой не зови.

Все прошло. Как не бывало
Полудетской теплоты.
На земле похолодало,
Рук моих не греешь ты.

Счастья моего желая,
Веря жизни, не судьбе, —
Завещал ты, чтоб жила я
Без тебя, как при тебе.

Вот я и живу. Не плачу.
Часто очень весела.
От людей сиротство прячу —
У людей свои дела.

Так не снись мне постоянно,
После радостного сна
Вспоминать одной так странно,
Что была я не одна.

НЕТ, НЕ ЗАМЕНИТ НИЧТО...

Я в Ионическом море купалась,
Мрамор Акрополя трогала я,
В сердце змеиным укусом осталось
Диво Стамбула — отрава моя.

На Араат я глаза проглядела,
И под Эльбрусом рвала барбарис,
Как на качелях душа то и дело
Кверху взлетала и падала вниз.

Но почему-то мне снится и снится
Маленький, пыльный, глухой городок,
Снятся ночей воробышных зарницы,
Мартовский тонкий, непрочный ледок,

Снятся ряды трехоконных домишек,
Сизый дымок из соседней трубы,
В соснах на горке ватага мальчишек,
Шлепающих босиком по грибы,

Запахи сена и черного хлеба,
Невдалеке тарахтенье телег,
Зеленоватое бледное небо,
И у костра над рекоюnochлег,

Да в огороде у старого дома
Заросль гороха — ребяческий рай,
Все, что до боли сердечной знакомо —
Весь мой простой средневолжский мой край.

Нет, не заменит ничто никогда мне
Первой любви моей к милой земле —
В юности канувшей, в юности давней,
Все еще тлеющей жаром в золе.

МОЛНИЯ И СНЕГОПАД

Молния и снегопад.
В первый раз такое вижу.
Двор — как яблоневый сад. . .
Нет, сравнянем не обижу
Яростную красоту,
Ливень снега вслед за громом.
Серебрятся на лету
Хлопья над соседним домом.
Полоснуло по стеклу
Резкой молнии зигзагом,
А потом нагнало тьму.
Не пройдешь спокойным шагом.
Ничего не разберешь, —
Сумасшедшая погода!
Ну а все же гром хорош
И в такое время года!
Вдруг внезапно вспыхнул свет:
Солнце вышло и лучится.

Надо бы тебе, поэт,
У природы поучиться!
Так порою и с людьми —
Вместе и зима и лето.
Ты попробуй-ка пойми,
Отчего бывает это.

ОДИН ДЕНЬ

Какой из дней давно прошедших
Тебе хотелось бы вернуть,
Из тех счастливых, сумасшедших,
Что наполняли звоном грудь?
Какой? Быть может, летний вечер
С гвоздикой, брошенной в окно.
Он был так странно долговечен,
Хотя исчез давным-давно.
Но после были и другие
Гвоздики, вечера, глаза,
И горы, горы вековые,
И волны озерных бирюза.
Бывала и в труде удача,
Когда так верилось в себя,
Что ты была готова, плача,
Весь белый свет обнять, любя.
Вернуть святое утро мая —
Победный сорок пятый год,

Когда, детишек поднимая,
На площадях шумел народ,
Когда, как молоты, стучали
Усталые сердца людей,
И слезы счастья и печали
Текли по лицам матерей...
Но для такого повторенья
Пришлось бы пережить опять
Весь мрак, всю боль и все горенье,
Каких не можешь ты желать.
Нет! Прошлого я звать не буду,
Ничью не воскрешу я тень, —
Уж если быть на свете чуду —
Из будущего вырву день,
Тот, что навек любому краю
Мир принесет, войну кляня.
Вот этот день я выбираю!
...Хотя б настал он без меня.

РАЗГОВОР С МУЗОЙ

Я не хочу, чтоб ты была
Страницей книги ветхой.
Хочу, чтоб запросто вошла,
Садовым духом обдала,
Махнув зеленою веткой.

Как смеем мы забыть о тех,
Кто умирал под Ржевом,
Искать подержанных утех,
Не верить, что растает снег
Под солнечным нагревом!

Года летят, летят года
Скорей, чем скорый поезд;
А ты летучая звезда,
Ты обгоняешь поезда,
Заткнув года за пояс.

Не ты ль прошла сквозь дым войны,
От платья тянет гарью,

А вот у солнечной стены
Махнула веткой бузины —
И радуюсь, как встарь, я.

Тебя всё музою зовут,
Как в старину когда-то,
Но ты — весь мир и ты — мой труд,
И нас водой не разольют
До самого заката.

МОЛОДОСТЬ

Пахнет, как на Малой Бронной в юности:
Сыростью и словно бы фиалкой.
Юность — это сны, горячка, трудности.
Что-то мне совсем ее не жалко.

Что-то мне совсем не жалко прошлого.
Будущего — жаль — осталось мало,
Лишь теперь все лишнее отброшено,
Подлинное очевидным стало.

А в конце вся шелуха отсеется
И останется лишь горстка зерен,
Уж не скажешь: не беда, успеется...
Каждый шаг твой должен быть ускорен.

Для чего же вы, воспоминания,
Ходите по улицам за мною?
Я ведь обрекла вас на изгнание,
Обходите путь мой стороною!

...Впереди меня идут прохожие —
Молодость идет, смеется звонко,
На мою нисколько не похожая.
Как же не вздохнуть такой вдогонку?

О МАЯКОВСКОМ

У памятника Маяковскому
Стоит мальчишка долговязый.
Что нужно школьнику московскому
И чем он с этой бронзой связан?

Наверное, ему мерещатся
Насмешки, грозные призывы,
Моря ладоней бурно плещутся,
То смех, то возмущенья взрывы...

Наверное, мальчишке хочется
Стать самому таким же точно,
Неведомое имя-отчество
Впаять в сознанье мираочно.

И он придумывает хлесткие,
Бичующие, злые строчки,
Хоть и не очень маяковские,
Зато без всякой проволочки.

...А знал бы бредящий трибуною,
Как добр был гений обличений,
Когда одну актрису юную
Учил читать стихи на сцене.

Шла репетиция «Мистерии»,
И автор, вслед за режиссером,
Работал методом доверия
К зеленым, молодым актерам.

Как просто, вовсе без презрения,
Без холодащего запрета,
Просил он делать ударения
На «это» и «Генисарета».

А у актрисы, бедной опытом,
Сильнее «звон» и «он» звучало.
Тогда он мягким полушепотом
Ей то же повторял с начала.

Актриса та давно состарилась,
Но, знаю, будет верить вечно,
Что гений может разговаривать
Не очень громко
и сердечно.

ДЕВОЧКА

Машина стояла на глинистом взгорье,
Плескалось вечернее сизое море.
Вдруг выпрыгнула из кабины девчонка —
Пошла колесом по камням на ручонках,
А после ныряла и плавала так,
Что диву дивился в сторонке рыбак.
Ей с виду тринадцать-четырнадцать лет,
Купальный костюмчик и шапочка в цвет.
Вот пятки над морем, в воде головенка,
Ну что за циркачка, ну что за девчонка!
Отец вслед за дочкой оставил машину
И фыркал и плавал подобно дельфину.
Так веселы были и дочь и отец,
Так пахли степные полынь и чебрец!
Отец уж приводит машину в движенье.
— Пора уезжать, одевайся-ка, Женя! —
А та — камышинка, живая как ртуть,
Спешит напоследок поглубже нырнуть.
Оделась и, выжав костюмчик из ситца,

Бежит на пригорок в машину садиться.
— Ой, девочка, кто ты? — кричу ей вдогонку.
— Покамест никто! — откликается звонко.
Уехали. Сизое море и вечер.
Дай бог тебе, девочка, радости вечной!

ЗЕРКАЛО

Н. М. Белинкому

Взглянет в зеркало мальчик с утра —
Он такой же, каким был вчера.
Взглянет завтра и через неделю —
Никакого различия нет,
Точно те же черты, тот же цвет.
День за днем наши годы летели,
Каждый день на себя мы глядели —
Никакого различия нет.
Так откуда же это взялось:
Эти борозды, иней волос,
Все как есть совершенно другое!
Как же мы проглядели такое?
Каждый день люди смотрят в стекло,
Что же зеркало не помогло
Уловить роковые мгновенья
Обязательного измененья!
День за днем набираются годы,
Незаметен лишь миг перехода.
Все как будто различия нет,
А глядишь — ты морщинист и сед.

МУЗЫКА

Перебивая шум прибоя,
Обвалом рухнуло на нас
Такое, боже мой, такое,
Что слезы хлынули из глаз.

Слетевший с клавиш бурный Шуман
Раздвинул стены, горы, ночь,
Качнул деревья с легким шумом,
Отбросив тесноту их прочь.

Дохнул почти что позабытой
Тревогой давних, давних дней
И скрипнул дверью, приоткрытой
В жилище памяти моей.

Как быть? Бежать на берег, плача,
Сказать кому-нибудь о том,
Что надо жить совсем иначе,
Что надо помнить об одном:

Об этой красоте тревожной,
Об этой вспыхнувшей мечте,

Забыть, забыть, забыть о ложной
Пустопорожней суete! ..

Иль просто верить этой жгучей
Великой правде красоты
И знать, что этот миг не случай,
А зов бессмертной правоты.

* * *

Влажные перила, предвечерний запах
Резеды — невидной скромницы садовой,
Розоватой дымкой затянуло запад,
Лес за луговиной встал стеной лиловой.

В деревянном доме дребезг пианино...
Что это такое? Отчего, откуда
Выплывает эта стертая картина
И щемит мне сердце памяти причуда...

Мало ли что было — вечера и ночи,
Встречи и разлуки, горькие обиды!
Горе все длиннее, радость все короче,
Для чего же эти запахи и виды?

Было очень много августов, апрелей,
Позабыть их можно, но нельзя убавить.
Память — галерея пестрых акварелей,
Что мне с нею делать, на кого оставить?

Говорят, пред смертью пробегает мимо
Все, что с человеком в долгой жизни было.
Я не умираю, для чего ж незримо
Вдруг возникли эти влажные перила,

Этот вечер давний в маленькой деревне,
Смутная тревога юности далекой,
Резедовый запах, темные деревья,
Взгляд зари вечерней с дымкой-поволокой? ..

ТИШИНА

Тишина не отсутствие, не пустота.
Тишина — средоточие существованья.
Дом затих. Двор затих. На ночь дверь заперта.
Начинается то, чему нет и названья.

Все, что жило, — живет, все, что пело, — поет.
Проступает забытое ясно и четко.
Сышен шара земного бесшумный полет,
Замедляется быстрого века походка.

Выпадает любимая книга из рук,
И душою читается книга другая:
Книга вечных надежд в мире вечных разлук;
Слезы вдруг закипают, глаза обжигая...

Что за странная вещь полнота тишины.
Не затем ли все это придумано мудро,
Чтобы ночью отчетливо были видны
Все черты многотрудного шумного утра?!

ЧАЙКИ НАД ИОНИЧЕСКИМ МОРЕМ

Покачают большими крылами
И торжественно, плавно плывут.
Где же гнезда их, где их приют?
Мы забудем о них за делами,
А они и сейчас вдалеке
Проплывают, качая крылами.
Я о них вспоминаю стихами,
И качаются буквы в строке.
Чайки, чайки в светящейся шире,
Что же вы всё мерещитесь мне?
Может быть, прикоснувшись к волне,
Вы услышали слово о мире
И несете его и несете,
Чтоб на камни чужих берегов
Кинуть веткой оливы наш зов.
Добрый путь вам в далеком полете!
Чайки над Ионическим морем,
Как вы врезались в память мою.

Где, в каком чужедальнем краю
Вы плывете над счастьем и горем?
Может быть, в этот час вдалеке
Вы летите, качая крылами
Над темнеющими островами,
В беспокойной и гордой тоске?

СТАМБУЛ

На палубе почти что пусто.
У вставших сонный, хмурый вид.
Неназываемое чувство
Пронзает грудь. Меня знобит.
Я жду приснившейся мне встречи,
Но берег застлан пеленой,
Как в полутемном доме свечи
Огни, огни во мгле ночной.
Чуть различимы минареты...
Стамбул, поверить ли, Стамбул!
Но мы уйдем еще до света,—
Так значит — сон мой обманул.
Внезапно желтый полумесяц
Прорвал завесу облаков,
Гербом повис над этой смесью
Видений и оживших снов.
Пробили жалобно три склянки
Иль ветер до меня донес

Три вопля матери-армянки
Сквозь годы безысходных слез?
Гудят, гудят гудки тревожно:
Такой туман, что не пройти, —
Судам в проливе невозможно
Друг друга не задеть в пути.
Мы возвращаемся обратно.
Часы идут, а все темно.
... Как странно, как невероятно,
Что снам сбываться суждено.
И вот — светлеют очертанья.
Еще, еще, еще светлей —
И город давнего мечтанья
В сияньи утренних лучей
Как на ладони предо мною:
Шатры мечетей там и тут,
Под низкой каменной стеной
Цветные лодочки снуют.
Людей не видно мне отсюда,
Немая красота видна,
Вот Сулеймание как чудо...
Но где ж София? Вот она,
Властвительница дум, стремлений,
Причина распрай и невзгод.
Как много разных поколений
Тянулось к ней из года в год!
Плыvем по Золотому Рогу:
Предместье. Лавров, пиний сень...
А сердце бьет и бьет тревогу —
Встает передо мною тень
Моей Армении печальной,
Сиаманто и Варужан

И Комитас многострадальный,
И боль и кровь армянских ран...
Прощай, Стамбул! Под странной властью
Двух чувств стыю, оцепенев,
Одно — далеких лет пристрастье,
Другое — горький, скорбный гнев.

14 ноября 1960 г.

ПОСВЯЩЕНИЯ

Н. ЗАБОЛОЦКОМУ

В исчезновение не веря,
Ты думал после смерти стать
Цветком, травой, по меньшей мере
Росою на траве блистать.

Со смертью мог ты примириться,
Когда б кипучая душа
Травинкой стала или птицей,
Природой заново дыша.

Я помню, летом на рассвете
Мы вышли впятером к шоссе.
Тебе хотелось солнце встретить
В его языческой красе.

Но сели четверо в машину,
Смеясь, уехали домой.
А ты стоял спокойно, чинно,
Особо строгий и прямой.

Светлели постепенно камни,
Погасли огоньки в домах.
Была твоя душа близка мне
Иль мысли дерзостной размах?

Безмолвно стоя на дороге,
Не предугадывал ли ты,
Что ты почти что на пороге
Другой, последней немоты?!

Потом мы видели поэта
Среди осенних астр в гробу,
Казалось, блик того рассвета
Скользнул по восковому лбу.

Я знаю, смерть — исчезновенье,
Но в этот вечер под Москвой
Хочу поверить на мгновенье,
Что шелест листьев — голос твой.

ПАВЛУ АНТОКОЛЬСКОМУ

Говорю открыто: я не верю
В старость ни в твою и ни в свою.
Мы с тобою встретились в преддверье
Тех высоких дней в родном краю,
От которых молоды мы вечно,
Даже будь по восемьдесят нам.
Нет, мы их не прожили беспечно, —
Счастье пили с горем пополам.
Но такая нам дана закалка,
Что ничем с пути нас не собьешь.
Если нам самим себя не жалко —
Пусть нас не жалеет молодежь!
Помнишь летний вечер, тот, когда ты
В серый дом на Пятницкой пришел?
Помнишь бурю Аппассионаты,
Тесноту, наш небогатый стол?
Все твои друзья, наверно, помнят
Много шумных поздних вечеров,

Самолетов, поездов и комнат
И стихов, стихов, стихов, стихов...
Я же говорю тебе без лести:
Как никто ты в жизни мне помог,
Заново открыл, сказать по чести,
Много тропок и больших дорог.
Я твою своей считала славу
И своей бедой — твою беду.
Другом я зову тебя по праву,
Ближе — есть, дороже — не найду.
Ты не предал звания поэта,
Праздности и лжи не знал вовек.
Низкий мой поклон тебе за это,
Коммунист, художник, человек!

ЛЕОНИДУ ПЕРВОМАЙСКОМУ

Бессонница сегодня ночью вдруг
Моей рукой достала книгу с полки,
И я опять вошла в знакомый круг,
Забыв дела, дневные споры, толки.

По выжженным, пустым полям я шла
Под гул тяжелой, близкой канонады,
На небе звездам не было числа,
И пахла чебрецом струя прохлады.

Не ладанка, а горсть сухой земли
На чьей груди — моей, твоей — не знаю...
Передо мною зыбилась вдали
Зовущая к себе стена лесная,

И я входила в твой зеленый дом,
С тобою горевала и любила,
Во мне твое упорство стыло льдом
И кровь твоя ключом горячим била.

Я шла по тропкам горьких нежных строк,
Сжималось горе от блаженной боли,
И высота ночных твоих дорог
Моим простором стала поневоле.

Твоя любовь, твой подвиг, скорбь твоя
Преобразили ночь волшебной властью,
И вдруг такой счастливой стала я!
...Далекий друг, прости мне это счастье.

М. П.

В тесных зарослях темного леса,
Упоенный собой, в забытьи,
Соловей — неуёмный повеса —
Рассыпает колена свои.

Легкий жаворонок, поднимаясь
К облакам над простором полей,
Как бубенчик звенит, кувыркаясь,
Все отчаянней, все веселей.

Но какая же странная птица
Тонко-тонко запела вдали
И не хочет на ветку садиться
Или в солнечной взвиться пыли?

Лишь серебряный голос так страстно,
Так печально, так нежно поет,
Что берет тебя за сердце властно
И уводит из мира забот.

Покажись, безымянное чудо,
Что ты там притаилась одна?
Ты откуда такая, откуда,
Что и слава тебе не нужна?!

Дай же людям узнать достоверно,
Что за горлышко, что за перо
У певуньи, что так беспримерно
Щедро дарит свое серебро.

Но поет и поет невидимка,
Не найти ее в частых кустах,
Лишь дрожит паутинная дымка
На рябиновых тонких ветвях.

УЛНОВОЙ

Когда совершенство искусства
Своей беспощадною властью
Отводит обычные чувства:
Печали, обиды, пристрастья, —

Не помнишь ты, кто ты и где ты,
И что было раньше с тобою, —
Лишь горе и счастье Джульетты
Владеют твою судьбою.

И кажутся смутными снами
Дневные дела и заботы,
А явью — тревожное пламя
Душевного страстного взлета.

И в пурпурном сумраке зала
Не старая мудрость Шекспира,
А хрупкая девочка стала
Приметой величия мира.

Мгновенья сменяют мгновенья,
И сердце пронзает сознанье,
Что лишь в красоте вдохновенья
Таинственный смысл мирозданья.

ЕЩЕ ОБ АРМЕНИИ

ПЕРВОЕ ЛЕТО В АРМЕНИИ

Ты помнишь то лето на острове,
Старинный армянский храм,
Травинки пахучие, острые
И песни по вечерам,
Толпу над скалою отвесною,
Над синей водой балкон?
Страна, мне еще не известная,
Входила в меня, как сон.
Вода голубая севанская
Тяжелой была, как ртуть,
Гортанная песня армянская
До боли сжимала грудь.
Не думала я в те мгновения,
Что этот июльский зной
И древние камни Армении
Навек овладеют мной,
Что дым над крестьянскими кровлями
Не даст мне спать до зари,

Что станут мне братьями кровными
Певцы твоей Наири.
Когда уезжала с Севана я —
Тому уж немало лет, —
Со мною случилось то странное,
Чему и названья нет.

* * *

«Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и
услышал в ответ: это Аарат.

Пушкин. Путешествие в Арзрум

Веселая свежесть рассвета
И бодрое чувство здоровья...
О, ясные строки поэта,
Не ведавшего празднословья!

Он видел, он видел их тоже ---
Две снежных главы Аарата,
Спал крепко на низеньком ложе
В лачуге армянского брата.

Все это прошло, миновало,
Но вправду арба тарахтела,
По жесткой земле перевала
Везя Грибоедова тело.

Что дни, что года, что столетья, —
Сгорая, не стали золою:

В едином чудесном соцветье
Сегодняшний день и былое.

Не знаю, своими глазами,
Другими ли вижу я горы,
Но взгляд застилает слезами,
И слезы мои не от горя.

Стремительно и многоцветно
Проносится время земное,
И все, что люблю беззаветно, —
Со мною, навеки со мною.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Летний дождь все идет, идет,
Городского не слышно гула.
Высоко звезды промелькнула, —
Верно, там летит самолет.

Отчего это, отчего,
Может быть, от прохлады влажной, —
Над громадой шестиэтажной
Начинается волшебство:

Нет ни комнаты, ни Москвы,
Только горы, горы и горы,
Опаленной земли просторы
Да шуршанье сухой травы.

Это вовсе не самолет —
Это время летит обратно,
Совершенно невероятный
К отошедшему поворот.

И уносит меня туда,
Где меня давно позабыли,
Где седеет листва от пыли
И в арыках мутна вода.

Сколько отгрохало гроз!
Изменился тот остров дальний.
Изменился и взгляд печальный,
Доводивший меня до слез.

Я не та уже, я не та,
Отошли голубые ночи,
Стали дни скучней и короче,
Стала проще их красота.

Летний дождь все идет, идет
За моим окном и за всеми...
Как же я приняла за время
Пролетающий самолет?

СОКРАЩЕНИЕ РАССТОЯНИЙ

Кусочек неба городского
Меж кровель каменных коробок —
Он как сырой подснежник робок,
Он неуверенностью скован.

Кусочек неба. Но немного
Нам нужно для воображенья:
Уже мне видится дорога,
Озерной шири приближенье,

Густая зелень горных склонов,
Гора двуглавая все ближе.
Не вижу я чужих балконов,
Московского двора не вижу.

В полях качается пшеница,
Пшат пахнет солнцем и весною,
Подернуты загаром лица
Моих друзей, привыкших к зною.

Горчит дымок тондиров — печек;
Над утренним аэродромом
Большой серебряный кузнецик
Спускается с прохладным громом.

Что самолет! Мне и доныне
Для сокращенья расстояний
Достаточно воспоминаний
Да проблеска небесной сини.

ЛОРИЙСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Поезд шатнуло. В купе сквозь глухое стекло
Холодом древним дохнуло ущелье Лори.
...Полно, с тех пор больше четверти века прошло,
На календарь или зеркало ты посмотри.
Ты в своей комнате мирно сидишь за столом,
И за окном никакого Лори не видать.
Что ты копаешься в невозвратимом былом?
Трезвому разуму это совсем не под стать.
Как это можно — из прошлого вырвать кусок,
Время стирает следы пробегающих лет...
Впрочем, теперь до Лори путь не очень далек:
Купишиь свободно на «ИЛ-18» билет.
Только билета в прошедшее не продадут,
Да и себя — ту, былую — нигде не найдешь.
Воображенье ломает привычный уют,
И пробирает тебя незабытая дрожь.
Воображенье — ничуть не стареющий друг:
Поезд качается рядом с рекой ледяной...
Благословляю свой неисцелимый недуг,
Вся моя сила лишь в слабости этой одной!

АРМЯНСКОМУ НАРОДУ

Ни бездомной печали твоей,
Ни бесчисленных безвестных могил
Не прощу черной злобе людей,
Не прошу до конца моих дней,
Даже если бы сам ты простил.

Глинобитных лачуг нищету
На колонны из туфа сменив,
Сохранил ты свою простоту,
Терпеливой души красоту —
Добрый свет над просторами нив.

Но когда кто-нибудь из армян
Запевает при мне «Журавля» —
Застилает глаза мне туман,
И мне видится бедный баштан
Да обугленные тополя.

Ты свободен и весел сейчас
В отчем доме и в братском краю,
Но твоих сыновей всякий раз
По газельей печалинке глаз
Безошибочно я узнаю.

МОЯ АРМЕНИЯ

И куда же меня занесло?
От черемух, плетней и акаций
Перекинуло к солнцу в жерло,
К лиловатым снегам Арагаца!

Не в библейский, — в сегодняшний рай,
В терпкий запах рехана и перца,
В этот рыжий обветренный край,
Где от песен заходится сердце.

В детстве — рожь, курослеп на лугу...
А теперь не прожить мне и часа,
Не подумав о бурной Зангу,
О певучей весне Комитаса.

Я отказываюсь разгадать,
Что в меня эту страсть заронило, —
Очень русской была моя мать,
Небо севера было ей мило,

И сама я любила не знай,
А морозец веселый и прочный,
Что же это случилось со мной,
Что мне в пышности этой восточной?!

Впрочем, я и не вижу ее,
Мне другое в Армении любо —
Околдовано сердце мое
Красотою и горькой и грубой.

Я люблю этих смелых людей,
Может быть, иногда и недобрых,
Терпеливых седых матерей —
Вот Армении подлинной образ.

Я люблю эту мудрость веков,
Лебединые женские пляски,
Медь горячих тяжелых стихов
И полотен сарьянских краски.

Не зови же смешным, не зови
Бес покойное это пристрастье.
В этой поздней нелегкой любви
Мне самой непонятное счастье.

ИЗ КНИГИ «ЗИМНЯЯ ЗВЕЗДА»

ЗИМНЯЯ ЗВЕЗДА

Смутным было небо весен,
Медленным душевный рост,
И несло мой челн без весел
К блеску отраженных звезд.

Лето было бурным, знойным,
За грозою шла гроза,
Светом резким, беспокойным
Били молнии в глаза.

За весной и летом осень —
Дней победы торжество.
Но закрыла счастья просинь
Туча горя моего.

Лишь когда — по всем приметам —
Подступают холода,
Разгорелась теплым светом
Зимняя моя звезда.

Льется ровный, синий-синий
Поздний свет на поздний путь.
Заглянуть в глаза России —
Как живой воды глотнуть.

Закалили сердце грозы,
И зима мне как весна,
Пусть метели, пусть морозы —
На миру и смерть красна.

Знаю я слова простые,
Что вовеки не умрут,
Совершенные, святые:
Люди, родина и труд.

С ними мне на белом свете
Боль и горе — не беда.
Вот каким мне светом светит
Зимняя моя звезда.

ПЕРВЫЙ ЗОВ

Ветер садовой калиткой скрипел,
Запахом гречи тянуло с поля.
Кто-то на взгорье за речкою пел:
«Сбейте оковы, дайте мне волю...»

Сбейте оковы, дайте мне волю,
Я научу вас свободу любить».
Сердце зашлось от счастья и боли —
Вот как на свете надобно жить!

Все б у забора стоять девчонке,
Все бы ей слушать и слушать тот зов.
Многие песни бывали звонки,
Но не сбивали те песни оков.

Может быть, пел ее тот... приезжий,
В косоворотке с тугим ремешком,
Свет в его впалых глазах чуть брезжил
Не догоревшим в золе угольком.

Люди шептались: — Наверно, ссылочный,
В домике у фельдшерицы живет... —
Были задачею непосильной
Мысли про ссылку, про смерть за народ,

Хоть и жила я рядом с народом
Против бревенчатой старой избы
И с дочерьми его вместе бродом
Бегала в ближний лесок по грибы.

Может быть, был бы иным мой удел, —
Кто ее знает, людскую долю, —
Если бы голос за речкой не пел:
«Сбейте оковы, дайте мне волю!»

* * *

Порою спросит кто-нибудь:
«Ну, как ты чувствуешь себя?»
Себя? Зачем?

Других, тебя,
Всех, с кем у нас единый путь,
Судьбу моей родной страны,
Удачу чьих-то ярких строк,
Дыханье городской весны,
Пыль неисхожденных дорог...
А чувствовать себя?
Зачем?

Не нужно этого совсем.
Я чувствую чужую ложь,
Как в грудь входящий острый нож,
Я подвиг чувствую чужой,
Как взлет самозабвенный свой.
Все спорят, все кипит вокруг, —
Вот что я чувствую, мой друг,
Так мало я могу сама,

Но тороплюсь идти, идти,
Чтоб силу чувства и ума
Умножить хоть в конце пути.
До слез, до боли жизнь любя,
Я научилась одному:
Не жаловаться никому
На то, как чувствую себя.

ПАМЯТИ ДРУГА

A. C. E.

Снег засыпает жизнь твою
На старом кладбище простом.
А я волнуюсь, я пою
О том, чем жили мы вдвоем.

Я часто прихожу сюда,
Где жизнь твоя в земле лежит,
Снежинки белая звезда
На восковом цветке дрожит.

Я постою, я посмотрю
На пасмурные облака,
С неслышащим поговорю,
Снежинки обмахну с цветка.

Железная печаль в груди
Не унимается, растет...
Уже не много впереди,
А тянет все-таки вперед.

Восторга, горя и любви
Еще хватило б на сто лет, —
Пусть мне сказали б: «Век живи»,
Я не ответила бы: «Нет».

Я не ответила бы: «Нет».
Пускай мечусь, тужу, скорблю,
Но этот трудный белый свет
Самозабвенно я люблю.

И ты во мне, как я, живешь,
Тебя во всем я узнаю.
Так, значит, смерть — дурная ложь,
Снег не засыпал жизнь твою.

ВЕТКА ЗА ОКНОМ

Мечется ветка за мутным окном,
Ветер сейчас в переулке ночном.
Думает каждый о том, о другом...
Люди о разном, а я об одном.
Только о том, что тебя нет нигде:
Ни на холодной осенней звезде,
Ни в ежедневном кипучем труде,
Ни в ожиданьях моих, ни в беде.
Глаз не могу отвести от стекла:
Темная ветка и светлая мгла.
Жизнь твоя билась, кипела, цвела...
Как же, куда же она отошла?
Этого я никогда не пойму,
Этого не рассказать никому.
Мне бы тебе рассказать самому,
Как я по сердцу скорблю твоему.

* * *

На какое хрустальное блюдо
Положить этот будничный день,
Чтоб нести это скромное чудо
Тем, кто в полдень хоронится в тень?

На какие волшебные ноты
Звуки летних ночей положить,
Чтоб уставших от вечной заботы
Этой музыкой заворожить?

Если б это в моей было власти,
Убедила бы всех я в одном:
В жизни, кроме несчастья, все — счастье,
В каждом часе и миге земном.

СИРЕНЬ

У всех есть перечень недлинный
Своих пристрастий на земле.
Я назову мои приметы:
Далекий оклик петушиный
За огородами в селе,
Последний уголек в золе...
Потом — сирень в начале лета,
Сирень не Врубеля, не Фета, —
Сирень сиреневого цвета
В кувшине желтом на столе.
Еще — площадка поездная,
Степной полынnyй ветерок
И холодок аэродрома...
Живешь ты, достоверно зная,
Что очень краток жизни срок,
Но в окна городского дома
Не веять ветерку степному.
Где там полынь? Где даль дорог?
Довольствуйся одной сиренью,

Глубокой свежестью цветов:
Сквозь этот запах ты услышишь
Крик петушиный в отдаленье,
Твоей равнины волжской зов,
Полынным ветерком подышишь
Под жестяной вагонной крышей
Иль полетишь средь облаков.

И это все — одна сирень,
Все за один недолгий день!

* * *

Как! Там и августа не будет?
Ни звезд, ни песен за окном?
Крик петушиный не разбудит
Тех, что забылись вечным сном?

Не верю. Это невозможно.
Руками в воздух я вцеплюсь,
Врасту хоть в камень придорожный,
А от земли не отступлюсь.

Здесь, на земле, моя забота,
Работы непочатый край, —
Ведь я не оплатила счета
За этот будничный мой рай.

Здесь каждая минута светит
Неугасающим огнем.
Раз я была на этом свете,
Как я могу забыть о нем?

Забыть о вас, мои собратья,
И о тебе, страна моя?..
О, если бы могла собрать я
Весь жар земного бытия,

Как мальчик в сказке, по крупинкам
Его рассыпать на пути
И по светящимся тропинкам
Обратно в эту жизнь прийти!

* * *

Так я и не успела,
Так я и не успела...
Время бежало скоро,
Было так много дела,
Было так много вздора.
Так я и не успела...
Спиши ты, не просыпаясь,
Сном, как ты сам, прекрасным.
Вот поднялась, шатаясь,
Я по ступенькам красным.
Руку твою целую,
Боже мой, ледяную!
С кем поделюсь теперь я
Тем, чем с тобой хотела?!
Старое есть поверье:
Бродит душа близ тела...
Если бы мог ты слышать,
Как тяжело здесь дышат,

Сколько немой печали,
Сколько глухого горя
В этом огромном зале,
В этом народном море!
Сердце мое родное,
Солнце мое земное!
Небо рыдает громом,
Первой грозой весенней,
Люди идут за гробом,
Тучи плывут в смятенье.
Слышишь ты — кто-то стонет,
Видишь ты — льются слезы.
Это тебя хоронят
Против большой березы.

ЗВЕЗДА

В неудаче, в болезни, в горе,
А вернее сказать, всегда,
На огромном земном просторе
Человеку нужна звезда.
Пусть порою за облаками
Еле-еле она видна,
Пусть ее не достать руками,
Словно жемчуг с морского дна.
Пусть ее не поймаешь в сети —
От нее бы сгорела сеть, —
Без нее не прожить на свете,
Не прожить и не умереть.
Неизвестно ей — безымянной, —
Что я верно ее люблю,
Что все горести, все обманы
Под сияньем ее стерплю.
Если даже выдумка это,
Сохрани ее, сбереги,

Без ее далекого света
Мне порой не видать ни зги.
Перед тем как усну в гробу я,
Приоткрыть окно попрошу —
Полюбуюсь на голубую
И сама ее погашу.

ОСЕНЬ И ЧЕЛОВЕК

По тусклому стеклу окна
Текут большие слезы:
Природе вспомнилась весна
И желтые мимозы.

Природе хочется опять
Стать каплями капели,
Ей хочется кипеть, сверкать,
И чтобы птицы пели.

Все это возвратится к ней
Уже через полгода.
У человека жизнь грустней,
Чем у тебя, природа.

Но он не проливает слез
О том, что жизнь уходит,
Что время мчится под откос,
Вино в бочонках бродит.

И называет он дождем
Осенних слез потоки,
Сам уложиться принужден
В положенные сроки.

Шли б вовремя дожди и снег,
И молодость и зрелость, —
Огня на твой достанет век,
Раз пламя разгорелось.

Природа льет потоки слез,
Дни холодов пророчит...
А человек седых волос
И замечать не хочет.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я пишу, как дышу...»	7
«Смолоду, не разбирая...»	9
Вечерний свет	11
Красота	13
«Ни твоей, ни своей, ничьей...»	15
Искусство	17
«Кто может подумать...»	19
Солдатские стихи	21
Преодоление	23
Стихи	25
Сон и пробуждение	27
Белые ночи	29
Земля	31
«Долго мы судили...»	33
Под уклон	34
Часы	36
Памятки	38
Весна	40
В Переславле-Залесском	42

Коктебель	44
«Ты не снись мне...»	46
Нет, не заменит ничто	48
Молния и снегопад	50
Один день	52
Разговор с музой	54
Молодость	56
О Маяковском	58
Девочка	60
Зеркало	62
Музыка	63
«Влажные перила...»	65
Тишина	67
Чайки над Ионическим морем	68
Стамбул	70

ПОСВЯЩЕНИЯ

Н. Заболоцкому	73
Павлу Антокольскому	75
Леониду Первомайскому	77
М. П.	79
Улановой	81

ЕЩЕ ОБ АРМЕНИИ

Первое лето в Армении	83
«Веселая свежесть рассвета...»	85
Летний дождь	87
Сокращение расстояний	89

Лорийское ущелье	91
Армянскому народу	92
Моя Армения	94

ИЗ КНИГИ «ЗИМНЯЯ ЗВЕЗДА»

Зимняя звезда	96
Первый зов	98
«Порою спросит кто-нибудь...»	100
Памяти друга	102
Ветка за окном	104
«На какое хрустальное блюдо...»	105
Сирень	106
«Как! Там и августа не будет?...»	108
«Так я и не успела...»	110
Звезда	112
Осень и человек	114

Звягинцева Вера Клавдиевна
ВЕЧЕРНИЙ ДЕНЬ

Редактор *В. С. Фогельсон*

Художник *Е. М. Галинский*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *Н. М. Кузнецова*

Корректор *С. С. Потресова*

Сдано в набор 15/XI 1962 г. Подписано в
печать 10/IV 1963 г. А-03291. Бумага
70×108 1/32. Печ. л. 3 3/4 (5,13). Уч.-изд.
л. 2,44. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1982
Цена 17 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10

Типография № 5 УЦБиПП Ленсовнархоза
Ленинград. Красная ул., 1/3

*Издательство просит читателя дать отзыв
как о содержании книги, так и об оформлении ее,
указав свой точный адрес, профессию и возраст.*

*Библиотечных работников издательство просит
организовать учет спроса на книгу
и сбор читательских отзывов.*

Все материалы направлять по адресу:

*Москва К-9, Б. Гнездниковский пер., 10,
издательство «Советский писатель».*

17 коп.

СИ

5